

Советникова Ольга Васильевна

ИНСТРУМЕНТ "МЯГКОЙ СИЛЫ" ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

В данной статье автор анализирует возможность применения такого эффективного инструмента как "мягкая сила" в рамках внешнеполитического курса современной России. Особое внимание обращается на сложность выработки универсального определения "мягкой силы" с учетом национальных особенностей. Автор приходит к выводу, что Россия, обладая огромным потенциалом "мягкой силы", долгое время не придавала значения ее использованию во внешнеполитической деятельности. Ввиду этого руководству современной России необходимо проделать большую работу по формированию национальной концепции "мягкой силы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 327

Политология

В данной статье автор анализирует возможность применения такого эффективного инструмента как «мягкая сила» в рамках внешнеполитического курса современной России. Особое внимание обращается на сложность выработки универсального определения «мягкой силы» с учетом национальных особенностей. Автор приходит к выводу, что Россия, обладая огромным потенциалом «мягкой силы», долгое время не придавала значения ее использованию во внешнеполитической деятельности. Ввиду этого руководству современной России необходимо проделать большую работу по формированию национальной концепции «мягкой силы».

Ключевые слова и фразы: «мягкая сила»; внешняя политика; культурный фактор; национальная концепция; международные отношения; культурный потенциал.

Советникова Ольга Васильевна

*Северо-Западный институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
sovetnik23@mail.ru*

ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XXI ВЕКЕ[©]

В условиях все большего усложнения современных международных отношений становится определенно очевидным, что репутация любого государства на мировой арене определяется уже не только политическим и экономическим весом, но и культурным потенциалом. Неэффективность многих традиционных методов ведения внешней политики подтолкнула руководство большинства современных государств к пересмотру роли культурного фактора в международных отношениях. Не является исключением и Россия, уделяющая в последнее время все большее внимание формированию своего позитивного образа за рубежом, в том числе посредством использования такого значимого инструмента, как «мягкая сила». «Мягкая сила» позволяет государствам «влиять на ситуацию и решать вопросы, находящиеся вне компетенции силовых структур» [2, с. 111] посредством диалога, привлекая таким образом на свою сторону все больше союзников.

Основная цель данной работы состоит в определении места такого эффективного инструмента, как «мягкая сила», во внешнеполитической доктрине России в XXI в. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- проанализировать проблему выработки универсального определения термина «мягкая сила» в рамках отечественной науки;
- изучить историю появления термина «мягкая сила» в концепции внешней политики России;
- проанализировать причины неэффективного использования такого инструмента, как «мягкая сила», в рамках внешнеполитического курса России.

Термин «мягкая сила» («soft power»), впервые введенный в научный обиход американским исследователем, политологом, гарвардским профессором Дж. Наем в начале 1990-х гг. в статье «Soft power», подразумевал под собой способность «заставлять другого желать того же, чего хочешь ты» [13, р. 167].

В современном мире в условиях формирования нового типа международных отношений все больше государств отдает предпочтение не силовым средствам при продвижении своих национальных интересов и распространении своего влияния в мире, а именно «мягкой силе».

В Россию концепция «мягкой силы» попала сравнительно недавно и сразу же породила множество споров. Во-первых, следует сказать об относительной неоднозначности двух компонентов английского выражения «soft power», что позволяет переводить их на русский язык различными способами, а иногда даже не переводными эквивалентами соответствующих английских лексем. В результате на данный момент в российской политологической литературе можно встретить следующие варианты перевода на русский язык понятия «soft power»: «гибкая власть», «мягкая власть», «мягкая мощь», «мягкое влияние», «несиловая мощь», «мягкая безопасность», «мягкое могущество».

Во-вторых, в отечественной науке до сих пор нет единого понимания феномена «мягкая сила». Например, О. Г. Леонова полагает, что «мягкая сила» является «внешнеполитическим ресурсом и специфическим инструментом латентного управления международными процессами, который актуализируется именно в эпоху глобализации» [6, с. 28]. С. И. Косенко видит в «мягкой силе» на современном этапе «действенный ресурс дипломатии, влияющий на политику и логику поведения акторов в международных отношениях» [5, с. 38]. Е. П. Панова переводит выражение «soft power» как «мягкая власть» и определяет как активный ресурс в арсенале влияния любого государства, имеющего долгосрочные внешнеполитические цели, будь то упрочение собственного влияния в мире, или проникновение на новые рынки, или обеспечение стабильных внешних условий для внутреннего развития [8, с. 95]. В. А. Кононенко относит «мягкую силу» к одной из «категорий, характеризующих мощь государства наравне с военным или экономическим потенциалом» [3].

Долгое время руководство Российской Федерации не придавало важности использованию такого эффективного инструмента, как «мягкая сила», при выработке внешнеполитического курса страны. Впервые термин

«мягкая сила» употребляется в интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликованном 30 октября 2008 г. в «Российской газете». Рассуждая на тему отношений с зарубежными русскоязычными общинами, министр обозначил «мягкую силу» как «способность воздействовать на окружающий мир с помощью своей цивилизационной, гуманитарно-культурной, внешнеполитической и иной привлекательности» [7].

Вторая, более развернутая, формулировка «мягкой силы» была предложена в 2011 г. заместителем министра иностранных дел Г. Б. Карасиным в интервью журналу «Свободная мысль». Категорию «мягкая сила» Г. Б. Карасин определил как «способность проецировать за пределы национальных границ достижения в экономике, науке, технологическом развитии, культурно-гуманитарной сфере, повышая тем самым привлекательность своей страны» [1].

В феврале 2012 г. В. В. Путин, ещё будучи кандидатом в президенты, впервые употребил термин «мягкая сила» в своей статье «Россия и меняющийся мир» относительно всего внешнеполитического курса России. По мнению В. В. Путина, «мягкая сила» – это «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [9].

Позднее, в июле 2012 г., выступая перед послами и постоянными представителями РФ за рубежом, В. В. Путин отметил, что «политика –мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов и подходов путём убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на её достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере» [11]. При этом «мягкая сила» была отнесена лидером нашей страны к одной из новых технологий, которую нам необходимо еще в достаточной мере освоить.

Впервые юридическое оформление термин «мягкая сила» в современной России приобрел в феврале 2013 г. в новой редакции Концепции внешней политики России, согласно которой под категорией «мягкая сила» понимается «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [4].

Однако если проанализировать определение «мягкой силы» в рамках Концепции внешней политики России, то следует заметить, что оно, скорее, совпадает с американской трактовкой публичной дипломатии. Данное обстоятельство предопределяет необходимость уточнения и конкретизации российского видения «мягкой силы», поскольку копирование западных шаблонов без учета социально-экономических и политических реалий России может привести к ощутимым потерям во внешней политике нашей страны.

По этой причине России крайне важно, как можно скорее выработать свою национальную концепцию «мягкой силы», определиться с технологиями и методами ее применения, финансовыми и организационными вопросами, интеллектуальной и политической поддержкой, обозначить приоритеты и цели. Как раз в этом направлении сейчас ведется активная работа. К осени Россотрудничество и МИД России планируют представить руководству страны проект «Комплексной стратегии расширения гуманитарного влияния России в мире», своего рода доктрину «мягкой силы» России.

Однако, рассматривая вопрос выработки российской концепции «мягкой силы», следует учитывать, что этот процесс требует много времени и не стоит ожидать быстрых свершений. Как говорит К. И. Косачев, «наши геополитические конкуренты работают с опережением. Они выстроили соответствующие программы года и десятилетия назад и сейчас пользуются их результатами» [10]. В связи с этим определенно понятно отставание России в этом вопросе. Но надо учесть тот факт, что у нашей страны есть огромный потенциал, который при правильном применении вполне может быть конкурентоспособным. Пока же, как ни печально это осознавать, в глобальном противостоянии «мягкой силы» на современной международной арене Россия почти отсутствует.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что современная Россия осознала значимость использования такого важного инструмента, как «мягкая сила», при проведении внешнеполитического курса. Однако на данный момент «мягкая сила» является самым недооцененным активом России. В то время, когда другие страны наращивали потенциал «мягкой силы», Россия была занята восстановлением своей военной и экономической мощи. В виду этого нашей стране предстоит большая работа по формированию своей национальной концепции «мягкой силы». В этой связи нельзя не согласиться с высказыванием Г. Ю. Филимонова о том, что «эффективная политика в области –мягкой силы» – дорогой продукт, требующий помимо финансирования продуманного использования совокупного потенциала российской нации, ответы на фундаментальные внутренние вопросы политической, социально-экономической и культурной действительности нашей страны» [12, с. 347].

Список литературы

1. **Для России приоритет пространства СНГ очевиден...** [Электронный ресурс]: интервью статс-секретаря – заместителя Министра иностранных дел России Г. Б. Карасина журналу «Свободная мысль» № 12, 2010 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/6a5f93a9%206aa86373c3256f6d00540599/25c601b45628acd4c3257824002b6fe4!OpenDocument (дата обращения: 10.07.2014).
2. **Звягина Д. А.** Роль сотрудничества в применении «мягкой силы» Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. II. С. 111-113.
3. **Кононенко В. А.** Создать образ России? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/n_6562 (дата обращения: 10.09.2014).
4. **Концепция внешней политики Российской Федерации** [Электронный ресурс]: утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 10.07.2014).
5. **Косенко С. И.** Культура Франции на службе внешней политики // Обозреватель. 2013. № 10. С. 38-50.

6. Леонова О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 27-40.
7. Мягкая сила. Накануне Всемирной конференции соотечественников глава МИДа Сергей Лавров дал эксклюзивное интервью «РГ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/10/30/lavrov.html> (дата обращения: 04.06.2014).
8. Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91-97.
9. Путин В. В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (дата обращения: 25.06.2014).
10. Россотрудничество презентует доработанную концепцию «мягкой силы», а также займется привлечением иностранных туристов в Россию [Электронный ресурс]. URL: www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=32965 (дата обращения: 10.09.2014).
11. Совещание послов и постоянных представителей России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902> (дата обращения: 01.08.2014).
12. Филимонов Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. М.: РУДН, 2012. 408 с.
13. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 151-171.

INSTRUMENT OF “GENTLE FORCE” IN THE RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE XXI CENTURY

Sovetnikova Ol'ga Vasil'evna

North-Western Institute of Management (Branch) of the Russian Federation Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
sovetnik23@mail.ru

The article analyzes a possibility for using such effective instrument as “gentle force” within the framework of the foreign policy course of modern Russia. Special attention is paid to the complexity of developing a universal definition of “gentle force” taking into account national specifics. The author concludes that Russia, with its huge potential of “gentle force”, for a long time did not care to use it in foreign policy. For this reason the leadership of modern Russia has to do a lot of work on the formation of the national conception of “gentle force”.

Key words and phrases: “gentle force”; foreign policy; cultural factor; national conception; international relations; cultural potential.

УДК 78

Искусствоведение

В статье рассматривается проблема запечатления в музыке одной из специфических сторон феномена воспоминания – субъективности. Внимание автора сосредотачивается на таких компонентах содержания музыкального произведения как музыкальная интонация и средства музыкальной выразительности и их способность моделировать разнообразные грани психоэмоционального мира человека. На основе анализа воплощённого в опусах-воспоминаниях эмоционального содержания раскрываются особенности отображения субъективного мира воспоминания в музыкальном искусстве.

Ключевые слова и фразы: воспоминание; субъективный мир; эмоция; музыкальная интонация; средства музыкальной выразительности; опус-воспоминание.

Ступницкая Марина Александровна

Волгоградский государственный институт искусств и культуры
stma-volg@bk.ru

СУБЪЕКТИВНЫЙ МИР ВОСПОМИНАНИЯ И ЕГО МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ[©]

В жизни каждого человека воспоминание играет важную роль и имеет значение не только для повседневной практической деятельности. Воспоминание – это ещё и духовный акт, открывающий путь к таинственному «святилищу величины беспредельной» [2, с. 254], бесконечному миру собственного «Я». Не случайно загадочная способность вспоминать своё прошлое притягивает к себе внимание мыслителей и ученых на протяжении многих веков. Необычайный интерес к нему демонстрирует и художественная мысль, в том числе и композиторская, воплотившая многогранный мир воспоминания в произведениях искусства.

Вместе с тем, к сожалению, в музыковедческих исследованиях воспоминанию как музыкально-художественному феномену не уделено должного внимания. Несмотря на то, что в последние десятилетия актуальными для современной музыкальной науки остаются вопросы отображения различных аспектов психологического бытия человека, в том числе воплощения в музыке эмоций (работы В. В. Медушевского [5], М. А. Смирнова [8], С. Х. Раппопорта [6], В. Н. Холоповой [11] и других), сведения о запечатлении феномена